

Татьяна В. Шалаева¹
Институт славяноведения РАН
Центр ареальной лингвистики

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ И ДЕРИВАТАХ ПРАСЛАВ. *KOPRŔ

Аннотация: *Статья представляет собой опыт семантической реконструкции праславянской лексемы *koprŕ, имеющей в современных славянских языках значение 'растение укроп, Anethum graveolens'. На основе родственных форм (например, *korpŕь, *korpŕo) ее исходная семантика формулируется как 'теплый воздух, пар'. В результате, появляется возможность пересмотреть происхождение славянских названий растения крапивы (Urtica) *kopriwa/*kropiwa. В частности, *kopriwa возводится к глаголу *koprĕti/*kopriti 'подвергать(ся) воздействию теплого воздуха', а *kropiwa – к глаголу *kropiti 'кипеть'. В обеих случаях внутренняя форма наименований крапивы толкуется как «обжигающее, жгучее растение». В качестве аргументации приводятся их многочисленные синонимы в различных славянских языках, образованные по тем же словообразовательным и семантическим моделям.*

Ключевые слова: *славянская этимология, лексикология, диалектология, семантическая реконструкция.*

1. Вводные замечания

Праславянская лексема *koprŕ (с вариантом *kropŕ) имеет продолжения во всех славянских языках в значении 'растение укроп, Anethum graveolens': например, ст.-слав. *копръ*, болг. *копър*, с.-хорв. *kopar*, словен. *kóper*, чешск. *kopř*, словац. *koror*, *koper*, польск. *kopř*, *koper*, русск. диал. *копёр*, укр. *копер*, блр. диал. *копр* (ESSIA 11: 26–27). Согласно преобладающей точке зрения, она образована от корня *kop- посредством суффикса *-rŕ. Праслав. *kop-, в свою очередь, возводится к и.-е. *k_uǵr- 'выпускать пар, дух, испускать запах', будучи родственным таким формам, как праслав. *korpŕь 'дым, чад', лат. *varor*

¹koukuk@gmail.com

‘пар’, лит. *kvāpas* ‘дыхание; запах’, греч. *καπνός* ‘дым’ (Pokorny: 596–597; LIV: 376; ESSIA 11: 26–27; BER 2: 624; Miklosich: 129; Fasmer II: 318; ESUM III: 98; Skok II: 145; Snoj: 333–334; Schuster-Šewc 9: 616–617; Sławski II: 455–456)².

Фитонимическая семантика является явно вторичной, но лексика славянских языков не предоставляет однозначного материала для определения ее точной мотивации. Наиболее распространенная версия появления значения ‘укроп’ у **korǫ* формулирует его исходную семантику как ‘пахучее растение’ (ESSIA 11: 26–27; Fasmer II: 318; BER 2: 624; Sławski II: 455–456), поскольку в языке имеет место семантический переход ‘пар, дух, воздух’ → ‘запах’ (ср. лит. *kvāpas* ‘дыхание; запах’). Другое объяснение значения **korǫ* ‘укроп’ основано на предположении, что изначально это слово называло некое растение, например, коноплю, из волокон которого выделялась пряжа. В качестве аргумента приводятся его предполагаемые дериваты **kopriva* ‘крапива’ и **koprina* ‘шелк’ (Miklosich: 129; Snoj: 334).

2. Анализ происхождения лексемы **korǫ*

2.1. Кажется, на сегодняшний день нет достаточно надежных оснований, чтобы объяснить причины появления значения **korǫ* ‘укроп’, однако представляется, что славянские языки дают возможность конкретизировать его исходную семантику и, тем самым, уточнить и его этимологию, и этимологию его отдельных производных. А именно Ж. Ж. Варбот выделяет основу **korǫ*- в польском диалектном глаголе *wykoprzec* ‘сопреть’ (*Pod nosem mi wykopszało. W rachwinie dziecku wykopszało*) (Warsz. VII: 897) и связывает ее с упомянутым праславянским корнем **korǫ*- с дериватами **korǫtь* ‘дым, чад’, **korǫ* (ср. чешск. *kor* ‘сажа, копать’) (ESSIA 11: 28), **korǫno*/**korǫnъ* (ср. болг. диал. *кoпнo* ‘земля, не покрытая снегом зимой’, *кoпнo* ‘мягкая, рыхлая почва’, *кoпeн* ‘талый (о снеге)’, чешск. *korно* ‘рыхлая, удобная для обработки почва’, диал. *korно* ‘земля, свободная от снега’, с.-хорв. *кoпaн* ‘свободный от снега’, польск. диал. *korно* ‘возвышенное место, свободное от снега; проталина’, укр. диал. *кiпнo* ‘потеплело, оттепель на дворе’, ‘грязно (от растаявшего снега)’, *кoп’иn* ‘место, где земля не покрыта снегом’) (ESSIA 11: 42–44), а также словен. *kopeti* ‘тухнуть, становиться затхлым (о муке, хлебе, сене или зерне)’, *kopiti se* ‘преть’ (*seno se kopi*) (Varbot 2012: 494; Bezljaj II: 64–65; Snoj: 333–334; Machek: 275).

² По другой версии, **korǫ* представляет собой результат преобразования **korǫpъ*, возводимого к **korǫpъ* ‘кипяток’ (см. ниже) в виду обычая запарить траву в хозяйственных целях. Ср. с.-хорв. диал. *кpон*, польск. диал. *krup*, русск. диал. *кpон*, укр. *кpиn*, блр. *кpон* ‘укроп’ (ESSIA 13: 10–11; Sławski II: 455).

Относительно принадлежности к этому гнезду формы **корьто*/**корьтъ* высказывались сомнения: в частности, О. Н. Трубочев и Ф. Славский считали ее дериватом омонимичного корня **kop-* ‘копать, опираясь на значения ‘рыхлый, легкий для вскапывания (о почве)’ (ESSIA 11: 42–44; Sławski II: 464–466). Однако в славянских языках эта семантика может быть мотивирована и насыщенностью почвы воздухом: например, так происходит в дериватах праслав. **kyp-* ‘кипеть’: ср. чешск. *kypřu* ‘рыхлый’, русск. диал. карел. *вскитъ* ‘земля, вспаханная один раз’ (Varbot 2005: 381).

2.2. По-видимому, на основе приведенных родственных **kopřъ* лексем, особенно польск. диал. *wukoprzec* ‘сопреть, допустимо сформулировать его исходное значение как ‘теплый воздух, пар’. Семантической параллелью в рамках того же этимологического гнезда может служить слово **kopřъть*, которое называет не только дым и чад, но и туман и пар: ср. русск. диал. *копоть* ‘изморось, туман во время сильного мороза’ (перм., арх., челяб., том., енис., краснояр., тюмен., иркут.) (SRNG 14: 296), ‘дымка испарений при сильном морозе’ (арх.) (*Зимы нынче тёплы стали, преш-то поедёш, дак фсе синё, копоть стоит, как дым, от морозу, зарецья не увидиши*) (Sl. Niz. Pech I: 332), *коптитъ* ‘о паре, поднимающемся над водой в морозную погоду’ (*Полонья на Печёрушке-то, коптит*) (Там же).

Также показательна близость метафорических значений у производных **kopřъ* и **kopřъть*: это, например, глаголы **kopřěti*/**kopřiti* с их структурными вариантами (болг. диал. *копръ съ* ‘готовиться, ожидать’, словен. *koprněti* ‘исходить, чахнуть’, ‘жаждать’, чешск. *koprněti* ‘ждать с нетерпением’) (ESSIA 11: 24)³ и **kopřěti*/**kopřiti* (с.-хорв. *копмети* ‘чахнуть, томиться’, ‘стараться, трудиться’, болг. *коптътъ* ‘терпеть, молчать’ (Gešov), русск. диал. *копотеть* ‘хлопотать, жить в заботах’) (ESSIA 11: 29). Сходные значения развивают продолжения другого упомянутого выше деривата корня **kop-* – **корьто*/**корьтъ*: ср. болг. *копнѣя* ‘жаждать’, макед. *копнее* ‘страстно желать, стремиться, тосковать’ (ESSIA 11: 44), серб. *копњети* ‘терять силы, слабнуть, чахнуть’ (Nikolić 2011: 554). Вероятно, здесь произошел семантический переход ‘подвергаться воздействию теплого, горячего воздуха’ → ‘находиться в беспокойном, угнетенном или ослабленном состоянии’. То же развитие значения наблюдается, например, в русск. *печься* ‘готовиться на жару’ и ‘заботиться (о чем-, о ком-либо)’, *париться* ‘подвергаться воздействию пара’ и (разг.) ‘беспокоиться, волноваться’. Хотя есть

³ Л. В. Куркина считает болгарский глагол *копръ съ* ‘готовиться, ожидать’ родственным корню **kop-* ‘копать’ вместе с с.-хорв. *kopòrati*, *kopirati* ‘двигаться, шевелиться, копошиться’, *kopàrati* ‘ковыряться, рыться, копать’, польск. диал. *kopersac* ‘копать, толкать’, *koperszac* ‘сгребать листья’, русск. диал. *копырсать* ‘возиться, копошиться’ (Kurkina 1980: 38–39).

и другое объяснение – из значений ‘испускать пар’, ‘сохнуть’ и далее ‘сохнуть от тоски, ждать с нетерпением’ (ESSIA 11: 24).

3. Анализ происхождения лексемы *kopriva

3.1. Реконструкция для *koprъ изначальной семантики ‘теплый воздух, пар’ позволяет скорректировать этимологию очевидно родственной ему лексемы *kopriva/*kropiva ‘растение крапива, *Urtica*’, распространенной во всех славянских языках: ср. болг. *копрѝва*, макед. *коприва*, с.-хорв. *ко̀прива*, словен. *kopřiva*, *kropiva*, чешск. *kopřiva*, словац. диал. *kopřiva*, в.-луж. *kopřiva*, н.-луж. *kopřiva*, польск. *koprzywa*, бэр. *кранѝва*, укр. *кранива*, диал. *копрѝва*, русск. *кранива* (ESSIA 11: 25; OLA 4: 76–77; Grinchenko 2: 282). Она имеет давнюю историю этимологизации со множеством версий, которые, главным образом, различаются тем, какую из форм исследователь считает первичной и, соответственно, возводит их или к *koprъ ‘укроп’, или к *kropъ ‘кипяток’ (см. Loma 2012 с литературой; Shalaiĭva 2017: 371–372)⁴. В частности, одна из гипотез принадлежит Ст. Младенову, который считал форму *kopriva исходной и родственной *koprъ с его индоевропейскими соответствиями в виде наименований пара, дыма, копоты (см. выше). Представление о горячем воздухе могло стать основой при номинации крапивы, поскольку она регулярно называется «жгучим, обжигающим растением», ср. болг. *жаря* ‘обжечься крапивой’, нем. *Brennessel* ‘крапива’ от *brennen* ‘обжигать’ (цит. по BER II: 620–621; ESSIA 11: 26).

3.2. Кажется, имеющийся языковой материал позволяет подтвердить эту этимологию и указать конкретную словообразовательную и семантическую модели образования лексемы *kopriva. Относительно структуры можно сказать, что большинство названий крапивы в славянских языках производно от глаголов со значением ‘жечь, обжигать’ и ‘колоть’ при помощи суффиксов *-iv-/*-av-: ср. словац. *prĕhl’ava*, *prĕzliva* от праслав. **prĕžiti* ‘жечь’; словац. диал. *žihl’ava*, чешск. диал. *žížl’avica*, *žihavka*, польск. диал. *żegawka*, хорв. диал. *žigavica*, *užgavica*, укр. диал. *жижавка*, русск. диал. *жи́ва* от праслав. **žegti*, **žygati*, **žigati* ‘жечь’; укр., русск. диал. *жалива* от праслав. **žedliti* ‘жалить’; бэр. диал. *стракива*, русск. диал. *стрекива*, *стрекава* от праслав. **strĕkati* ‘колоть’ (OLA 4: 76–77; LARNG 1: 512–516); н.-луж. *oblinjava* от *linis*, *hoblinis* ‘ошпаривая, удалять волосистой покров’, ‘жечь, обжигать’, ‘зудеть, чесаться’ (Schuster-Šewc 9: 617–618).

⁴ Также высказывалось не подтвержденное в дальнейшем предположение о родстве *kopriva с корнем *kopr- от *kop- ‘копать, долбить, колоть’ (Shalaiĭva 2017: 375–377).

В **kopriva* также выделяется суффикс **-iv-*, что позволяет предположить деривацию этой лексемы от глагола. Как указывалось выше, **koprъ* имеет производные **koprěti/*kopriti*, первичную семантику которых допустимо толковать как 'подвергать(ся) воздействию теплого воздуха'. По-видимому, от них и могла быть образована лексема **kopriva* с внутренней формой «обжигающее растение». Словообразовательную и семантическую параллели ей в таком случае составляет польск. диал. *parzuwa (*pariva)* (OLA 4: 76–77) и производные *parzawica* (Там же), *parzawka* (MSGP: 184) от праслав. **pariti* 'обдавать паром, кипятком', 'жечь, обжигать', в свою очередь, образованного от **parъ* 'теплый, горячий воздух'. Имеются названия крапивы с тем же корнем и другими суффиксами: ср. хорв. диал. *parina, sparenica* (OLA 4: 76–77), русск. диал. *паровица* (Sl. Niz. Pech. II: 11). Лексема **parъ*, если наша реконструкция верна, является синонимом **koprъ*.

4. Анализ происхождения лексемы **kropiva*

4.1. Что касается формы **kropiva*, то, как было сказано выше, одни исследователи считают ее результатом фонетического изменения **kopriva*, другие – самостоятельным образованием от корня **krop-*. Такая связь объясняется запариванием крапивы кипятком перед приемом в пищу, при том, что **kropъ* и его словообразовательные варианты **obkropъ, *ukropъ* обозначают горячую воду (Machek: 275; ESSIA 13: 10–11; ESUM III: 103; Fasmer II: 366–367; Loma 2012). Кроме того, **kropiva* возводится к глаголу **kropiti* 'брызгать', поскольку ожог от крапивы выглядит как красные точки, крапинки (Schuster-Šewc 9: 617–618; Merkulova 1967: 14).

Гипотеза о возникновении **kropiva* вследствие преобразования **kopriva* имеет основания, поскольку в славянских языках есть примеры изменения **kopr-* в **krop-*: ср. др.-русск. *кropicинный* 'сделанный из шелка (коприны)' (SIRIA XI–XVII вв. 8: 73) при, вероятно, первоначальном **копринный* (Merkulova 1967: 13). Хотя имеются случаи и обратного влияния: ср. хорв. диал. *koprivnica* 'каменный сосуд в церкви, где находится святая вода' (Barbić 2011: 129) при *škropivnica* 'то же' (Pažza 2015: 423), *škropionica* 'то же' (Sekulić 2005: 577), *škropilo* 'кисточка, которой священник в церкви окропляет святой водой' (Barbić 2011: 314) – дериватах **(s)kropiti*. Таким образом, и **kopriva*, и **kropiva* с одинаковой вероятностью могли бы быть первичными.

4.2. Но, судя по всему, есть основания подтвердить версию о родстве **kropiva* с корнем **krop-* и вписать ее в лексико-семантическую группу названий

крапивы, где преобладающими являются отглагольная деривация и внутренняя форма «жгучее, обжигающее растение». Дело в том, что продолжения праслав. **kropiti* имеют не только семантику ‘брызгать, опрыскивать’, но и ‘кипеть’. Ее содержит верхнелужицкий глагол *kropić* (Schuster-Šewc 9: 681), а также имена **kropъ*, **obkropъ*, **ukropъ* ‘кипяток’: ср. с.-хорв. *kron*, словен. *krop*, луж. *krop*, польск. *ukrop*, блр. диал. *kron*, *okroń*, *ukroń*, укр. диал. *kron*, *okrín*, *ukrín*, русск. диал. *okroń*, *ukroń* (ESSIA 13: 11; ESSIA 27: 182; SRNG 47: 96–97; OLA 6: 132–133). В славянских языках корни, называющие кипение, регулярно развивают значение ‘обжигать, жечь’. Об этом свидетельствуют, например, дериваты праслав. **kurěti*: ср. с.-хорв. диал. *kipěлица* ‘жара’, *kipelaц* ‘жаркий, душный воздух’ (ESSIA 13: 264), укр. диал. *kip’ín*, *kipěнь* ‘жара’, ‘большой холод’, *kipитень* ‘большой холод’, блр. диал. *kipěнь*, *kipянь* ‘жара’, *kipецень* ‘большой холод’ (ESSIA 13: 266–267), русск. диал. смол. *мороз как кипун* ‘об очень сильном морозе’ (SRNG 13: 217). Тот же семантический переход наблюдается у производных праслав. **vъrěti* ‘кипеть, бурлить’: ср. с.-хорв. *vruc*, *vreo* ‘горячий, жаркий’ (Skok III: 622–624), словен. *vroč* ‘то же’ (Spoj: 858), словац. *vrelý*, *vrúcný* ‘то же’ (Kralík: 670), а кроме того, у дериватов праслав. **variti*: ср. русск. диал. *варить* ‘кипятить’ (арх., киргиз., урал.), ‘сильно жечь, печь (о солнце)’ (пск., ряз., курск.), ‘быстро сушить жаром (о сене)’ (пск.) (SRNG 4: 54), *вар* ‘кипяток’ (распр.), ‘солнечный зной, жара’ (волог., арх., курск., орл., белгород., вят.), ‘повышенная температура тела при болезни; жар’ (костром., яросл.) (SRNG 4: 39–40). Следовательно, лексема **kropiva* «жгучее растение» могла стать производным глагола **kropiti* ‘кипеть’ и далее ‘обжигать’.

На этом фоне русск. диал. арх. *кropить* ‘обжигать, жечь (о крапиве)’ (SRNG 15: 280) вполне допустимо интерпретировать как развитие старого значения **kropiti* ‘кипеть’, а не как результат влияния семантики **kropiva* на производящий глагол.

4.3. Вероятно, позднее **kropiva* сблизилась с дериватами **kropiti* в более распространенном значении ‘брызгать’. Этому могли способствовать следующие обстоятельства: во-первых, в названиях крапивы регулярно параллельно используются суффиксы *-iv-/*-av- и *-il-/*-al-: ср. русск. диал. *стрекивá*, *стрекáва* и *стрекила*, *стрекáла* (OLA 4: 76–77), *жигáва* и *жигáла* (LARNG 1: 512–516), чешск. диал. *žigávka*, польск. диал. *żegawka* (OLA 4: 76–77) и русск. диал. *жигáлка* (LARNG 1: 512–516), хорв. диал. *užgavica* и *užgalina* (OLA 4: 76–77). Суффикс *-il-, наряду с *-iv-, присоединяется и к корню **krop-*: ср. русск. диал. *кropила* ‘крапива’ (OLA 4: 76–77; LARNG 1: 512–516), словен. диал. *kropilo* ‘то же’ (OLA 4: 76–77). Подобные формы могли быть истолкованы диалектоносителями как дериваты **kropiti* ‘брызгать’, подобно названиям растений с

соцветием в виде метелки, напоминающей церковное кропило, или произрастающих во влажных местах: ср. русск. диал. *кропи́ло* 'растение донник аптечный' (Анненков), 'растение донник белый' (Анненков), 'растение волжанка луговая' (Анненков), *кропи́ло-трава* 'растение омежник трубчатый, укроп конский' (Анненков), *кропи́ло водяное* 'то же' (Анненков; курск.) (SRNG 15: 279–280).

Во-вторых, наименования крапивы и влаголюбивых растений сближаются на основе их общей связи с паром: ср. русск. диал. *парови́ца* 'крапива' (Sl. Niz. Pech. II: 11), 'растение мокрица' (OSVG 7: 205; SRGSUD: 393). Хотя мотивации для формирования этих значений разные: для названия крапивы важно представление о паре как о горячем, обжигающем воздухе, а для мокрицы – как о следствии наличия влаги.

Кроме того, аттракция обозначений крапивы и других травянистых растений может происходить на контекстуальном уровне, когда они объединяются в описаниях сорной травы: ср. *Стра́шкое де́ло: и мокри́ца, и крапи́ва, и трава́!* (AOS 10: 462); *Мокре́ц да крапи́ва да говню́ха* (AOS 9: 174); *Парови́ца, лебеда́, крапи́ва, пестови́к как йоло́нка* (словая ветвь) (AOS 13: 104). Результатом такой синтагматической близости стала, вероятно, фиксация в материалах «Общеславянского лингвистического атласа» в русских говорах на территории Ленинградской области формы *мокри́ца* 'крапива' (OLA 4: 76–77). Имеющиеся словари такого значения не подтверждают, и, таким образом, по-видимому, здесь мы имеем дело или с недопониманием собирателем информанта, или ошибкой при переписывании слова на картотечную карточку.

Однако нельзя исключать, что, бытуя в одних и тех же говорах, например, в словенских (см. приложенную к статье карту-схему⁵), и будучи фонетически схожими, формы **kopriva* и **kropiva* могли сближаться и влиять друг на друга. Об этом говорят приведенные примеры взаимодействия основ **kopr-* и **krop-*.

5. Заключение

Конечно, при анализе причин возникновения вариантов **kopriva*/**kropiva* важно учитывать идентичное структурное различие в **koprъ*/**kropъ*. Но, как

⁵К статье прилагается карта-схема, выполненная на основе карты «Общеславянского лингвистического атласа» по вопросу F 524 *kopriva/kropiva* (автор – А. Ференчикова) (OLA 4: 76–77). На ней представлено различие в территориальном распространении формы **kopriva* и ее фонетического варианта **pokriva* (ср. польск. *pokrzywa*), с одной стороны, и **kropiva* и ее вариантов **kropila* (ср. русск. диал. *кропи́ла*), **korpiva* (ср. русск. диал. *корпи́ва*), **prokiva* (ср. укр., блр. диал. *проки́ва*) – с другой. Подробнее см. в (Shalaieva 2017: 371–374). Лексемы под звездочкой даются в обобщающей записи для единообразной подачи различных по фонетическому облику форм. Данная транскрипция не обязательно означает их праславянскую древность.

было сказано выше, для данной пары остаются дискуссионными условия появления значения 'укроп', а следовательно, ее невозможно использовать как полноценную аналогию. Тем не менее, постепенное накапливание материала и наблюдение над ним позволяет приближаться к решению этой проблемы.

Источники

1. АОС – *Архангельский областной словарь* (1980–2018–), под ред. О. Г. Гецово́й (вып. 1–12), О. Г. Гецово́й и Е. А. Нефедовой (вып. 13–15), Е. А. Нефедовой (вып. 16–), 1–19–, Москва: Наука; МГУ.
2. Barbić, Ante (2011), *Rječnik Pitava i Zaval*, ured. A. Celinić, Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
3. Bezljaj, Franc (1977–2005), *Etimološki slovar slovenskega jezika*, 1–4, Ljubljana: Institut za slovenski jezik Frana Ramovša SAZU.
4. БЕР – *Български етимологичен речник* (1971–2017), I–VII, София: Издателство на българската академия на науките.
5. Гринченко, Борис Дмитриевич (1907–1909), *Словарь украинского языка*, 1–4, Киев: Киевская старина.
6. ЕСУМ – *Етимологічний словник української мови* (1982–2012), 1–6, голов. ред. О. С. Мельничук, Київ: Наукова думка.
7. Warsz. – Karłowicz, Jan, Kryński, Adam, Niedźwiedzki, Władisław, *Słownik języka polskiego* (1900–1927 (= 1952–1953)), 1–8, Warszawa.
8. Králik, L'ubor (2015), *Stručný etymologický slovník slovenčiny*, Bratislava: VEDA.
9. ЛАРНГ – *Лексический атлас русских народных говоров, Растительный мир* (2017), 1, отв. ред. Т. И. Вендина, Москва – Санкт-Петербург: Нестор–История.
10. LIV – *Lexicon der indogermanischen Verben* (2001), ed. H. Rix, Weisbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
11. Machek, Vaclav (1971), *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha: Akademia.
12. MSGP – *Mały słownik gwar polskich* (2010), red. nauk. J. Wronicz, wydanie drugie, Kraków: LEXIS.
13. Miklosich, Franc (1886), *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*, Wien.
14. Николић, Мирослав (ур.) (2011), *Речник српскога језика*, Нови Сад: Матица Српска.
15. ОЛА 4 – *Общеславянский лингвистический атлас, Серия лексико-словообразовательная, Сельское хозяйство* (2012), 4, отв. ред. А. Ференчикова, Братислава: VEDA.
16. ОЛА 6 – *Общеславянский лингвистический атлас, Серия лексико-словообразовательная, Домашнее хозяйство и приготовление пищи* (2007), 6, отв. ред. Т. И. Вендина, Москва.

17. ОСВГ – *Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии* (1996–2018), 1–12, под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной, Киров.
18. Panža, Petar Milat (2015), *Rječnik govora Blata na Korčuli*, Zagreb.
19. Pokorny, Julius (1959), *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern – München.
20. Sekulić, Ante (2005), *Rječnik govora bačkih hrvata*, Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
21. Skok, Petar (1971–1974), *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, I–IV, Zagreb: JAZU.
22. Sławski, Franciszek (1952–1983), *Słownik etymologiczny języka polskiego*, I–V, Kraków: Towarzystwo miłośników języka polskiego.
23. Сл. Низ. Печ. – *Словарь русских говоров Низовой Печоры* (2003, 2005), 1–2, науч. ред. Л. А. Ивашко, Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
24. СЛРЯ XI–XVII вв. – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* (1975–2019–), 1–31–, гл. ред. С. Г. Бархударов (т. 1–6), Ф. П. Филин (т. 8–10), Д. Н. Шмелев (т. 11–14), Г. А. Богатова (т. 15–26), В. Б. Крысько (т. 27–29), Р. Н. Кривко (т. 30–), Москва: Наука.
25. СРГСУД – *Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения* (1996), под ред. А. К. Матвеева, Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
26. СРНГ – *Словарь русских народных говоров* (1965–2019–), 1–51–, гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25–46), С. А. Мызников (вып. 47–), Москва – Ленинград – Санкт-Петербург: Наука.
27. Snoj, Marko (2016), *Slovenski etimološki slovar*, tretja izdaja. Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša SAZU.
28. Фасмер, Макс (2003), *Этимологический словарь русского языка*, I–IV, перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, изд. 4-е, стереотипное, Москва: Астрель–АСТ.
29. Schuster-Šewc, Heinz (1978–1989), *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprachen*, I–IV, Bautzen: VEB Domowina-Verlag.
30. ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд)* (1974–2018–), 1–41–, под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (вып. 41–), Москва: Наука.

Литература

1. Варбот, Жанна Жановна (2005), “Чешские этимологии на фоне русской диалектной лексики”, *Verba et historia: Igoru Nemcovi k 80. narodeninám*, ed.: P. Nejedlý, M. Vajdlová, V. Lehečky, Praha: Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky, 381–384.
2. Варбот, Жанна Жановна (2012), “Лехитские этимологии (польск. *wnęka, wykoprzec*, кашуб.-словин. *sk^u óbic, kračni, oščąkle, pażev, mińa*)”, в: Варбот, Ж. Ж. (2012),

Исследования по русской и славянской этимологии, Москва–Санкт-Петербург: Нестор–История, 493–500.

3. Куркина, Любовь Викторовна (1980), “Заметки по болгарской этимологии”, *Этимология 1978*, отв. ред. О. Н. Трубачев, Москва: Наука, 38–43.
4. Loma, Aleksandar (2012), “Späte Parallelentwicklungen oder frühe Isoglossen?”, *Slawistyka*, 12, Gdańsk, 45–51.
5. Меркулова, Валентина Антоновна (1967), *Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Грибы. Ягоды)*, отв. ред. О. Н. Трубачев, Москва: Наука.
6. Шалаева, Татьяна Владимировна (2017), “К этимологии славянских названий крапивы (*Urtica*): дериваты корней *kopr- и *krop-”, *Etymological Research into Czech: Proceedings of the Etymological Symposium Brno 2017, 12–14 September 2017, Brno, Studia etymologica Brunensia 18*, eds. I. Janyškova, H. Karlíková, V. Boček, Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 371–382.

Tatjana V. Šalajeva

Institut za slovenske studije Ruske akademije nauka i umjetnosti

Istraživački centar za arealnu lingvistiku

O SEMANTICI I IZVEDENICAMA OD PRASLOVENSKE RIJEČI KOPRЪ

Rad se bavi semantičkom rekonstrukcijom praslavenske riječi *koprъ*, koja se u modernim slovenskim jezicima javlja u značenju „kopar” (*Anethum graveolens*). Na osnovu povezanih oblika (na primjer, **kopъtъ*, **kopъno*), osnovno značenje bilo bi „topao vazduh”, „para”. U tom pogledu, moguće je revidirati porijeklo slovenskih naziva za koprivu (*Urtica*), kao što su **kopriva*, odnosno **kropiva*. Naime, **kopriva* je derivat glagola **koprěti*/**kopríti*, u značenju „tretirati toplom vodom”, dok je **kropiva* derivat glagola **kropiti*, u značenju „vreti”. U oba slučaja korijen riječi označava žareću biljku. U cilju dokazivanja tvrdnje, rad nudi brojne sinonime koji se javljaju u različitim slovenskim jezicima i koji nastaju u skladu sa istim semantičkim modelima i pravilima tvorbe riječi.

► **Ključne riječi:** slovenska etimologija, leksikologija, dijalektologija, semantička rekonstrukcija.

Primary Sources

1. AOS – *Arkhangel'skiĭ oblastnoĭ slovar'*, pod red. O. G. Getsōvoĭ (vyp. 1–12), O. G. Getsōvoĭ i IЕ. A. Nefedovoĭ (vyp. 13–15), IЕ. A. Nefedovoĭ (vyp. 16–), 1–19–, Moskva: Nauka; MGU.

2. Barbić, Ante (2011), *Rječnik Pitava i Zaval*, ured. A. Celinić, Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
3. Bezljaj, Franc (1977–2005), *Etimološki slovar slovenskega jezika*, 1–4, Ljubljana: Institut za slovenski jezik Frana Ramovša SAZU.
4. BER – *Bŭlgarski etymologichny rechnik*, (1971–2017), I–VII, Sofiia: Izdatelstvo na bŭlgarskata akademiia na naukite.
5. Grinchenko, Boris Dmitrovich (1907–1909), *Slovar' ukrainskogo iazyka*, 1–4, Kii'v: Kii'vskaii starina.
6. ESUM – *Etymologichnyi slovnyk ukrains'koi movy*, (1982–2012), 1–6, golov. red. O. S. Mel'nichuk, Kyiv: Naukova dumka.
7. Warsz. – Karłowicz, Jan, Kryński, Adam, Niedźwiedzki, Władisław, *Słownik języka polskiego (1900–1927 (= 1952–1953))*, 1–8, Warszawa.
8. Králik, L'ubor (2015), *Stručný etymologický slovník slovenčiny*, Bratislava: VEDA.
9. LARNG – *Leksicheskiĭ atlas russkikh narodnykh govorov, Rastitel'nyi mir*, (2017), 1, otv. red. T. I. Vendina, Moskva – Sankt-Peterburg: Nestor–Istoriia.
10. LIV – *Lexicon der indogermanischen Verben* (2001), ed. H. Rix, Weisbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
11. Machek, Vaclav (1971), *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha: Akademia.
12. MSGP – *Mały słownik gwar polskich* (2010), red. nauk. J. Wronicz, wydanie drugie, Kraków: LEXIS.
13. Miklosich, Franc (1886), *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*, Wien.
14. Nikolić, Miroslav (ur.) (2011), *Rečnik srpskoga jezika*, Novi sad: Matica Srpska.
15. OLA 4 – *Obscheslaviānskiĭ lingvisticheskiĭ atlas, Seriiā leksiko-slovoobrazovatel'naĭa, Sel'skoĭe khoziāistvo*, (2012), 4, otv. red. A. Ferenchikova, Brarislsva: VEDA.
16. OLA 6 – *Obscheslaviānskiĭ lingvisticheskiĭ atlas, Seriiā leksiko-slovoobrazovatel'naĭa, Domashneiĭ khoziāistvo i prigotovleniĭe pischi*, otv. red. T. I. Vendina, Moskva.
17. OSVG – *Oblastnoi slovar' viātskikh govorov: Uchebnoiĭ posobiĭe po rusškoĭ dialektologii*, (1996–2018), 1–12, pod red. V. G. Dolgusheva, Z. V. Smetaninoĭ, Kirov.
18. Panža, Petar Milat (2015), *Rječnik govora Blata na Korčuli*, Zagreb.
19. Pokorny, Julius (1959), *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern – München.
20. Sekulić, Ante (2005), *Rječnik govora bačkih hrvata*, Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
21. Skok, Petar (1971-1974), *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, I–IV, Zagreb: JAZU.
22. Sławski, Franciszek (1952–1983), *Słownik etymologiczny języka polskiego*, I–V, Kraków: Towarzystwo miłośników języka polskiego.
23. Sl. Niz. Pech. – *Slovar' russkikh govorov Nizovoĭ Pechory*, (2003, 2005), 1–2, nauch. red. L. A. Ivashko, Sankt-Peterburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.
24. SIRIA XI–XVII vv. – *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* (1975–2019–), 1–31–, gl. red. S. G. Barkhudarov (t. 1–6), F. P. Filin (t. 8–10), D. N. Shmelev (t. 11–14), G. A. Bogatova (t. 15–26), V. B. Krysko (t. 27–29), R. N. Krivko (t. 30–), Moskva: Nauka.

25. SRGSUD – *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala: Dopolneniia* (1996), pod red. A. K. Matveiĕva, Iĕkaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
26. SRNG – *Slovar' russkikh narodnykh govorov* (1965–2019–), 1–51–, gl. red. F. P. Filin (вып. 1–24), F. P. Sorokoletov (вып. 25–46), S. A. Myznikov (вып. 47–), Moskva – Leningrad – Sankt-Peterburg: Nauka.
27. Snoj, Marko (2016), *Slovenski etimološki slovar*, tretja izdaja. Ljubljana: Institut za slovenski jezik Frana Ramovša SAZU.
28. Fasmer, Maks (2003), *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*, I–IV, perevod s nemetskogo i dopolneniia O. N. Trubacheva, izd. 4-iĕ, stereotipnoiĕ, Moskva, Astrel' – AST.
29. Schuster-Šewc, Heinz (1978–1989), *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprachen*, I–IV, Bautzen: VEB Domowina-Verlag.
30. ESSIA – *Etimologicheskii slovar' slaviānskikh iazykov (Praslaviānskii leksicheskii fond)* (1974–2018–), 1–41–, pod red. O. N. Trubacheva (вып. 1–31), O. N. Trubacheva i A. F. Zhuravleva (вып. 32), A. F. Zhuravleva (вып. 33–39), A. F. Zhuravleva i Zh. Zh. Varbot (вып. 40), Zh. Zh. Varbot (вып. 41–), Moskva: Nauka.

References

1. Varbot, Zhanna Zhanovna (2005), “Cheshskiiĕtimologii na fone ruskoĕ dialektnoiĕ leksiki”, *Verba et historia: Igoru Nemcovi k 80. narozeninām*, ed.: P. Nejedlý, M. Vajdllová, B. Leheĕky, Praha: Ústav pro jazyk ĕeský Akademie věd ĕeské republiky, 381–384.
2. Varbot, Zhanna Zhanovna (2012), “Lekhitskiiĕtimologii (poĕsk. *wnęka*, *wykoprzeĕ*, kashub.–slovin. *sk^uobic*, *kręćni*, *ośĕąkle*, *pażew*, *mírā*)”, v: Varbot, Zh. Zh. (2012), *Issledivaniia po ruskoĕ i slaviānskoĕ etimologii*, Moskva – Sankt-Peterburg: Nestor–Istoriia, 493–500.
3. Kurkina, Liūbov' Viktorovna (1980), “Zametki po bolgarskoĕ etimologii”, *Etimologiiā 1978*, otv. red. O. N. Trubachev, Moskva: Nauka, 38–43.
4. Loma, Aleksandar, “Späte Parallelentwicklungen oder frühe Isoglossen?”, *Slawistyka*, 12, Gdańsk, 45–51.
5. Merkulova, Valentina Antonovna (1967), *Ocherki po ruskoĕ narodnoiĕ nomeklature rasteniĕ (Travy. Griby. Iĕgody)*, otv. red. O. N. Trubachev, Moskva: Nauka.
6. Shalaiĕva, Tat'iana Vladimirovna (2017), “K etimologii slaviānskikh nazvaniĕ krapivy (Urtica): derivaty korneĕ *kopr- i *krop-”, *Etymological Research into Czech: Proceedings of the Etymological Symposium Brno 2017, 12–14 September 2017, Brno, Studia etymologica Brunensia 18*, eds. I. Janyšková, H. Karlíková, V. Boĕek, Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 371–382.

Преузето: 27. 7. 2020.
Корекције: 7. 9. 2020.
Прихваћено: 9. 9. 2020.

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

